

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.В. Маркетинговое право. – М.: Издательство "НОРМА" (Издательская группа "НОРМА-ИН-ФРА-М"), 2002. – (Краткие учебные курсы юридических наук).
2. Алексеев С.В. Маркетинговое право России: Учебник для вузов. – М.: Издательство "НОРМА", 2003.
3. Алексеев С.В. Правовое регулирование маркетинговой деятельности: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.

УДК 882Ж-95

О СОЧЕТАНИИ ПЕРЕВОДНОЙ И ОРИГИНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ В.А. ЖУКОВСКОГО В "СОБИРАТЕЛЕ" (К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЯ)

И.А. Айзикова*, И.А. Матвеев**

*Томский государственный университет, Томский политехнический университет**

Первое исследование прозы В.А. Жуковского из его журнала "Собиратель" (1829, №№ 1 и 2) включает анализ как переводных, так и оригинальных прозаических сочинений писателя (в том числе и архивных материалов, ранее не публиковавшихся и не изучавшихся). В статье поставлена проблема их сочетания как выражения особенностей художественного мышления Жуковского, тяготеющего к синтетизму. Исследование позволяет глубже понять своеобразие поздней прозы Жуковского и тех процессов в отечественной прозе первой половины XIX века, генератором которых являлся первый русский романтик.

В 1829 г. выходят в свет два номера альманаха "Собиратель". Работа Василия Андреевича Жуковского над ним была тесно связана с его деятельностью в роли воспитателя наследника престола, Великого Князя Александра Николаевича, и вместе с тем отражала процесс художественной эволюции писателя, как его поэзии, так и прозы. С одной стороны, это было издание, близкое, как указывает А.С. Янушкевич, "к распространенному в просветительской литературе журналу одного автора, своеобразному "зеркалу мудрости" [1, С. 482–483], с другой стороны, это был новый эксперимент Жуковского – создание книги сложной жанрово-родовой природы. "Собиратель" запечатлел поиски Жуковским новых, синтетических форм словесного искусства. Из выписок, переводов и собственных сочинений, из стихов и прозы рождается художественно-философское целое, книги – с очень показательным названием "Собиратель". Этим уже подчеркивалось новое качество художественного мышления и творчества писателя, где постепенно зарождалась идея *цельной философии жизни, общего начала*, что закономерной влекло за собой тяготение к эпосу, к прозе. Причем в "Собирателе" были собраны произведения, напоминавшие о достижениях Жуковского-прозаика 1800–1820-х гг. (переводная и оригинальная сюжетная, собственно художественная проза /повесть, притча, анекдот/) и обозначавшие перспективу его развития в 1830–1840-е гг. (философ-

ско-публицистические статьи, мысли и замечания, также переводные и оригинальные). Жуковский-прозаик заявляет в "Собирателе" о своей эволюции, о повороте к новой прозе.

Сохранившиеся в архиве писателя подготовительные материалы к альманаху [2] позволяют проследить сам процесс работы Жуковского над "собираем" "Собирателя". Судя по разработанному "Плану журнала", в нем намечались следующие отделы: "Отрывки", "Выписки", "Переписка", "Анекдоты", "Смесь" [2, Л. 1]. Все они предполагают обращение к разным формам сознания с целью создания из фрагментов, из своего и чужого, из единичного и конкретного – общего и целого, некой единой концепции, в которой увязывались бы в один узел проблемы истории, философии, творчества, воспитания. Изначально автор "Собирателя" ставит перед собой познавательные-творческие задачи, решение которых направлено на самостроение, на обретение духовного опыта.

Для начала скажем о составе корпуса прозаических сочинений, вошедших в "Собиратель". Это произведение философско-исторического, нравственно-этического содержания, как переводные, так и оригинальные, представляющие содержание отдела "Отрывки"¹. Интересным является и состав второго отдела – "Выписки", реализованного в соответствии с планом журнала². Он представляет собой сделанную Жуковским подборку мыслей и афориз-

¹ Не все статьи, готовившиеся для «Собирателя», были в нем опубликованы. Например, «Письмо от 2 июня 1829 г.» было опубликовано позднее в «Муравейнике» (1831. – № 2) под заглавием «Письмо к издателю», а статьи «Свет и любовь», «Эпаминонд», «Вступление» к повести «Подмосковная деревня» и несколько неозаглавленных статей («Дионисий торжествовал в Сиракузах ...», «После двадцатилетнего царствования Марк Аврелий кончил дни свои в Вене ...», «Русский государь должен ...» и «Бывают смутные времена ...») вообще остались неопубликованными.

² Других отделов в «Собирателе», вопреки плану, нет.

мов, иногда переведенных на русский язык, иногда данных в оригинале, "заимствованных из древних и новых классиков", начиная от Гомера, Сенеки и кончая Карамзиным.

В первую очередь рассмотрим материалы отделе "Отрывки". В № 1 он открывался программной статьей "Взгляд на мир и на человека"³, в которой рисуется грандиозная картина мироздания, где все находится в движении и взаимосвязано. В этом космическом пейзаже центральное место занимает Солнце, по отдаленности или близости к которому определяется "зрелость" планет. "Меркурий еще во младенчестве; Уран уже почти достиг своего развития: он зависит еще от Солнца, но уже готов сам сделаться солнцем для своих шестнадцати спутников, дабы с ними начать иное бытие в общей системе мироздания. Что же конец Урана, относительно к системе нашего Солнца? Превращение в Солнце" [3, № 1, С. 4]. Так в пространственную модель вводится время; и то, и другое рассматриваются во взаимодействии, определяющем суть "общей системы", состоящей, в свою очередь, из множества живых, развивающихся подсистем.

Солнце в этой "общей системе" — всего лишь одно из миллионов солнц. "Сии бесчисленные <...> солнца также должны иметь большую или меньшую зрелость, смотря по их положению относительно к <...> высшему солнцу; а сие высшее солнце с миллионами ему подобных так же принадлежит к системе еще высшего. И так далее до бесконечности, которой человеческому уму постигнуть невозможно" [3, № 1, С. 4–5]. Картина мира строится на центральной романтической идее бесконечности и, начавшись с точных цифр, отражающих "круговращения" планет, статья заканчивается мыслью о непостижимости бытия, во всяком случае, с помощью человеческого ума. Только воображение, творческая фантазия может представить Вселенную в ее целостности и безграничности одновременно.

В статье с красноречивым названием "Взгляд на мир и на человека" определяется и положение человека в этой системе. Будучи жителем Земли, занимающей свое место в солнечной системе, человек вписывается в вечную жизнь мироздания и провозглашается совершеннее обитателей Меркурия и Венеры, но уступающим в совершенстве "одушевленным существам", населяющим Марс, Юпитер, Сатурн и Уран. Неким абсолютom для выстроенной системы представлен Бог, который находится "над этою бездною величия". Вопросы философии и связанные с ними проблемы эстетики выводятся таким образом в сферу религии. Бог назван в статье властителем, Создателем и Хранителем, с которым соединена мыслью каждая постигающая Его душа. Натурфилософское, ранне-романтическое понимание души как малой Все-

ленной дает о себе знать во "Взгляде на мир и человека", но значительно углубляется (в христианском плане): "Планеты обращаются в пространстве и времени около светил своих; душа вне пространства и времени живет в вечности стремлением к создавшему ее Богу. Светила и планеты переходят из низшего материального образа в высший; а душа по духовной лестнице нравственного совершенства стремится к Божеству, к достижению образа Божия, и вечность есть не иное что, как сие вечное восхождение" [3, № 1, С. 5].

На первое место, как видим, выдвигается любимая Жуковским идея жизнестроения, которая выражается с помощью символического образа лестницы, играющего, как известно, важнейшую роль в христианском учении. "Духовная лестница" трактуется как средство сублимации духа, как своего рода шкала, задающая размеры пути человека к Богу. Это путь вечного восхождения, поскольку целью его является "достижение образа Божия", и вечность понимается не как нечто застывшее, а, напротив, как "восхождение".

Статья заканчивается постановкой важнейшей в романтизме проблемы двоemiрия, которая в конце 1820-х гг. также корректируется светом христианского учения, идеей целостности бытия. Мысль о кратковременности пребывания человека на земле, о бренности всех земных благ уравнивается не только концепцией человека как "вечного сына неба", но и идеей о том, что "ничто, достойное неба, на земле не исчезает: ни одна высокая мысль, ни одно чистое чувство здесь не гибнут". Главным предметом философско-религиозных размышлений в статье оказывается человек, нравственные проблемы личности, вопросы воспитания. "Твори добро на земле <...> но твори добро для неба <...> Земля — училище; жизнь — воспитание; Бог — воспитатель" [3, № 1, С. 6].

Эти мысли, органично сопрягающие религию и нравственность, религию и главный нерв творчества Жуковского — его идею жизнестроения, почти буквально повторяются в дневнике писателя конца 1820-х — начала 1830-х гг. (особенно в связи с его раздумьями о Великом Князе Александре Николаевиче), в письмах, написанных в это же время к Великому Князю Константину Николаевичу, в альбоме гр. С.А. Самойловой, а позднее — в записных книжках 1840–1850-х гг., которые во многом составили основу поздней прозы Жуковского. Приведем лишь один пример — фрагмент из дневника: "Жизнь есть воспитание. Все в ней служит уроком. Счастье жизни: знать хорошо урок свой, чтобы не постыдиться перед Верховным учителем. Где употребить этот урок в пользу, это знает Учитель" [4, С. 60].

Последняя фраза программной статьи Жуковского — "И все правила нашей жизни заключаются в одном слове *да будет Твоя воля!*" — выводит читате-

³ По предположению Н.Б. Реморовой, эта статья является переводом из какого-то французского сочинения, сделанным под сильным влиянием философских сочинений Гердера. См. об этом подробнее: [1, С. 158–159].

ля на идею смирения как "благоговейного признания зависимости нашей от Бога и согласование мыслей, чувств и дел наших с Его волею" [3, № 1, С. 7]. Эта идея многое будет значить в глубокой филологии страдания и скорби, сложившейся у писателя в 1840-е гг. и определявшей его эстетику, его позднее творчество, в первую очередь, его прозу.

Проблематику и пафос статьи "Взгляд на мир и на человека" продолжает легенда "Смерть Адама", переведенная Жуковским из собрания еврейских сказаний И.Г. Гердера ("Jüdischen Dichtungen und Fabeln")⁴. Наибольшее внимание переводчика привлекает тема смерти. Пересказ легенды, не теряя своего библейского смысла, превращается, между тем, под пером Жуковского в глубоко символический текст с особенно тонким психологизмом, который организуют такие образы, как эдемская ветвь (ее принес для умирающего отца Сиф из Эдемского сада, чтобы "в последний раз утешить его на земле", Адам почувствовал исходящее от нее "благоухание нового света" /выделено нами – И.А., И.М./, после смерти Адама Сиф посадил ее на могиле отца и назвал "ветвью новой жизни, ветвью пробуждения от смертного сна"), великое древо, подкрепляющее многих сынов Адамовых "утешением новой жизни", семья (этим образом Жуковский заменяет при переводе образ цветов), которое не погибает даже тогда, когда все увядает от того, что Давид усомнился в бессмертии, т.е. в слове Божиим (так переведено гердеровское "das Wort des Richters" – "слово судьи").

Философия, религия переплетаются здесь с психологией и художественной образностью. Очень интересны, например, некоторые детали текста. Так, первоначально, как и в немецком тексте, в переводной легенде Жуковского Адам обращается к плачущей Еве с просьбой собрать его сынов и внуков. В окончательном варианте появляется образ плачущего Сифа, который в дальнейшем составит многое говорящую для внимательного читателя пару к образу радующегося своей смерти Адама. Важнейшую роль в тексте играют и такие парные образы, как свет и тьма, расцветание и увядание, Эдемский сад и сад Давида. Сама система образов оказывается глубоко символической: ее построение завершается введением образа Искупителя, кончившего свою святую жизнь "на древе <...> произрастшем из семени сего" и тем самым подарившего всем народам новую жизнь.

Как показывает проведенное Н.Б. Реморовой сравнение двух редакций перевода, первоначально Жуковский намеревался закончить легенду словами: "Так перешло оно /древо – И.А., И.М./ к следующим поколениям", опустив таким образом сюжет о сомнении Давида. Ранняя редакция, думается, не-

случайно была в конце 1820-х гг. дополнена сюжетом о Давиде и его саде. Легенда наполнилась глубокими христианскими идеями и получила целостность. Ее сюжет выстроился в глубоко содержательную линию: Адам, рассказавший Сифу историю грехопадения, – Сиф, от которого происходят все народы и который обычно рассматривается как мессия, принесший отцу "ветвь радости", после чего Адам (перед смертью) почувствовал "благоухание нового света", – Давид, "впавший в заблуждение и усомнившийся в бессмертии", – Искупитель, от которого "на все народы пролилось благовоение новой жизни".

Две последние (оригинальные) статьи из № 1 "Собирателя", как бы по контрасту к переводной легенде об Адаме, являются чисто публицистическими. Они посвящены общественно-политическим проблемам, в центре которых – вопрос о просвещенном монархе⁵. В статьях "Польза истории для государей" и "Климат физический и нравственный" – исповедание "политической веры" Жуковского, занятого воспитанием наследника русского престола и видящего в этом "благородную миссию". Названные сочинения наполнены убежденностью в благотворности для "просвещения царского" истории, главной науки, которая, будучи освящена религией, даст государю "уважение к человечеству и <...> высокое понятие о его сане" [3, № 1, С. 9]. Эта мысль и определяет пафос обеих статей.

Их форму во многом обусловили вновь возрожденные Жуковским в своем прозаическом творчестве одические традиции. Уже в преамбуле статьи "Польза истории для государей" появляется образ Истории, устами которой и произносятся заветы царю: "Познакомив с судьбою народов и объяснив причины их бедствий и благоденствия во всех временах, История должна сказать ему /государю – И.А., И.М./ <...>" [3, № 1, С. 9–10]. Статья "Климат физический и нравственный" строится на метафоре души государя как климата для управляемого им народа. "Душа государя есть то же для нравственной жизни народа, что климат для жизни физической человека" [3, № 1, С. 11].

В основе обеих статей – довольно стройная общественно-политическая концепция, вполне выдержанная в духе передовых идей своего времени. Первое обращение Истории к государю связано с мыслью о том, что власть царя "происходит от Бога". Это важно не для того, чтобы государь мог поставить себя выше всех остальных, "а для того, чтобы подчинить себя верховному суду Бога" [3, № 1, С. 10]. Здесь приводятся яркие примеры из мировой истории, подтверждающие эту мысль. Имена Людовика XII, Генриха Великого, Иоанна Грозного –

⁴ См. о чтении Жуковским сочинений Гердера, в том числе и названных еврейских сказаний, а также о характере перевода Жуковским «Смерти Адама» исследование Н.Б. Реморовой [1, С. 168–174]. Здесь же приводится первоначальный вариант перевода, обнаруженный на страницах гердеровского тома из библиотеки Жуковского.

⁵ О круге чтения Жуковского в 1820–30-е гг. как отражении его общественной позиции см. в указанной работе А.С. Янушкевича [1, С. 466–520].

это некие символы истории, ее главных законов.

Следующие далее заветы царю представляют собой, по сути, логично выстроенные положения концепции Жуковского. Важнейшим из них оказывается тезис о необходимости уважать закон, и в первую очередь это относится к царю, который должен научить своим примером остальных. Здесь не ставится вопрос о происхождении законов, о соотношении общественных и естественных законов. Благополучие общества связывается с соблюдением закона как такового.

С особой силой в связи с этим акцентируется мысль о необходимости распространения просвещения. Просвещение для Жуковского – основа внутренней свободы человека и общества в целом. Он верит в то, что просвещение – это "сильнейшая подпора благонамеренной власти" [3, № 1, С. 10]. Жуковский ясно видит, что "из слепых рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из подданных просвещенных, умеющих ценить благо порядка и законов" [3, № 1, С. 10].

Закон, просвещение и свобода рассматриваются в статье как единая цепь. "Свобода и ненарушимость закона, – пишет Жуковский, – одно и то же". Незыблемым столпом общественной жизни признается народ, и потому основой деятельности царя объявляется его уважение и любовь к своему народу. Но превыше всего, превыше царя и народа – добродетель и вера в Бога. Утверждением этого статья начиналась, им она и заканчивается.

Такой же кольцевой композицией отличается и статья "Климат физический и нравственный". Она разделена на две части, зеркально отражающиеся друг в друге. Как уже отмечалось, влияние климата на человека уподобляется действию души государя на нравственное бытие народа. Сама природа учит государя мудрому правлению. Единственным условием общественного благополучия здесь называется уровень нравственности монарха, в руках которого сосредоточено всё.

Раздел "Отрывки" в № 2 "Собирателя" представ-

ляет собой не менее целостный текст. Три статьи, вошедшие в него, – "Человек", "Природа, преобразованная человеком" и "Общество человеческое, преобразованное христианством" являют нам целостную философию жизни Жуковского, в которой отчетливо выделяются три уровня: человек – природа – общество. Соответственно названные статьи последовательно поднимают три круга проблем, связанных друг с другом: проблемы нравственно-психологические, философские и общественно-исторические.

Статья "Человек", являющаяся переводом фрагмента из "Натуральной истории" Бюффона⁶, задает тон, в ней утверждается концепция личности Жуковского. Ранее писатель уже делал перевод этой статьи – для хрестоматии "Примеры слога" (1805–1806 гг.) (<"Достоинство человека, возвышенность его натуры">) [5]. В "Собирателе" отрывок несколько сокращен и в то же время продолжен размышлением об общественной природе человека. В связи с этим изменился пафос всей статьи, она окажется выстроенной на контрасте общественного и индивидуального начал в человеке. Причем акцент в соответствии с задачами альманаха будет сделан на идею божественного происхождения человека⁷, а с другой стороны, на том, что "человек один ничто; его могущество заключается в его общежитии: оно пробудило его способности, усовершенствовало его ум, соединило его силы; без него человек был бы самое дикое и в то же время самое беспомощное творение" [3, № 2, С. 1–2].

Статья "Природа, преобразованная человеком" также является переводом фрагмента из "Натуральной истории" Бюффона, к которому Жуковский уже обращался в связи с работой над "Примерами слога". В переводе, сделанном для "Собирателя", отчетливо звучит романтическая концепция двоемирия и двойственной природы человека, носителя земного и небесного начал, устремленного к Создателю, но рожденного жить на земле. Усилено и мистическое толкование природы и человека как его

⁶ Все 56 томов «Натуральной истории» Бюффона есть в библиотеке Жуковского, во многих из них – пометы владельца. Бюффон привлек внимание Жуковского в самом начале его творчества. «<...> будущий поэт-романтик <...> с жадностью изучает природу, каждую ее клетку, стремится осмыслить место каждого, даже самого примитивного явления, в системе мира», – справедливо пишет Ф.З. Канунова [1, С. 336]. Наибольший интерес проявляет Жуковский к тому, какое место занимает человек в этой системе, каковы точки его сближения и отталкивания с другими живыми существами и неживыми явлениями природы

⁷ Для сравнения приведем два варианта перевода: ранний – «Все в человеке, самая наружность, показывает превосходство над прочими тварями. Он прям, возвышен, одарен видом повелителя. Голова его поднята к небу и представляет привлекательный образ, озаменованный печатью высоты. В его физиономии сияет душа, во всех телесных органах, во всякой черте лица, оживленного небесным огнем, видно совершенство его натуры. Величественность стана, смелая, мужественная поступь возвещает сан его и благородство; он прикасается к земле одними крайними частями тела, видит ее в отдалении, как будто ею пренебрегает» [5, Л. 28–28 об.]; из "Собирателя" – «Все в человеке и самая наружность являет его превосходство над другими живущими тварями: стан его прям и возвышен, вид повелителен, голова подымается к небу; на лице его печать достоинства; образ его выражает душу; высота его назначения проникает сквозь грубые члены телесные и светом божественным сияет в чертах лица его; величественная осанка, твердая и смелая поступь означают благородство и первенство; он кажется не принадлежащим земле; он видит ее издали и, попирая ногами, как будто пренебрегает ее» [3, № 2, С. 1].

части. Приведем варианты перевода: из "Примеров слога" – "Натура есть видимый престол величия Божия. Человек, рассматривающий ее внимательным оком, постепенно возвышается к невидимому престолу всемогущества. Он обожатель Творца и повелитель творений" [5, Л. 32]; из "Собирателя" – "Природа есть откровенный *внешний* престол величия Божия. Человек, проникая в нее, постепенно возносится к *таинственному* престолу Его всемогущества. Назначенный обожать Создателя, он в то же время есть повелитель созданий" [3, № 2, С. 2]; или: из "Примеров слога" – "О, сколь прелестна сия обработанная натура! Как она блистает, как великолепна ее одежда под рукою человека! Но сам он есть первая краса ее, благороднейшее ее создание: он размножается, он как будто ее самое размножает. Его искусство извлекает из мрака все драгоценности, в недрах ее сокрытые" [5, Л. 33]; из "Собирателя" – "О сколь прекрасна сия природа, преображенная, украшенная промышленностью человека! И сам он есть главное украшение, есть благороднейшее создание сей природы. Своим искусством он обнаруживает ее тайны" [3, № 2, С. 5].

Наконец, третья статья, также являющаяся переводом (из Ф.-Х.-А. Гассе), вводит человека и природу в контекст истории. Как и в пространственной, во временной модели мира Жуковского точкой отсчета оказывается Бог, христианская вера. Фрагмент четко распадается на две части: рассказ о дохристианском периоде истории человечества, который строится на идее разрушения ("нравы римлян были испорчены", "законы умолкли, разум оцепенел", "общественное и политическое здание древнего света готово было исчезнуть", "последнее прибежище гражданственности было разрушено" и т.д.), и гимн христианству, Евангелию, которые "низлили с неба спасительный свет" соиздания. "Евангелие любви христианской и веры христианской все изменило: нравы и законы, искусства и науки, человека и народы, слабых и сильных, подданных и Царей!" [3, № 2, С. 8]. Не менее отчетливо звучит противопоставление философии, которая оказалась бессильной против безнравственности, неспособной соединить идеал и действительность, и христианской веры, которая восстановила органическую целостность бытия, будучи доступной всем: "каждому возрасту, каждому состоянию; в них откровение всех наших надежд, всего, что мы должны знать, чувствовать, желать, творить, чтобы быть людьми, гражданами, супругами, отцами, детьми, христианами!" [3, № 2, С. 9].

С особой силой Жуковский настаивает на том, что приход к религии – это поворот к реальному человеку и реальному бытию. "Убедительнее всех

философий <...> Евангелие изъяснило нам природу человека: и что он есть, и что человечество", – говорится в статье. Именно вера позволяет человеку прикоснуться к "вечному источнику бессмертия", "освящает его земную жизнь" и одновременно указывает "на дорогу неба". Жуковский будет много писать об этом в своих письмах и дневниках 1830-х гг. и в своей поздней прозе.

Раздел "Выписки" является в "Собирателе" органическим продолжением "Отрывков". Чрезвычайно значимой здесь оказывается тенденция к созданию некоего единого, очень сложного по структуре, синтетического текста. Чередование стихов и прозы, переводных и оригинальных фрагментов, по-видимому, является для Жуковского принципиальным. Во всяком случае, этот принцип в № 2 "Собирателя" был перенесен уже и на раздел "Отрывки". Кроме названных выше трех статей, в него вошли три стихотворения – неизвестного автора на немецком языке "Gott und Natur", оригинальное, по всей вероятности, стихотворение Жуковского "Смертный и боги"⁸ и отрывок из поэмы А.С. Пушкина "Полтава". Они продолжают тематику и пафос прозаических статей отдела, который завершается подборкой "Мысли, заимствованные из древних и новых классиков", где приводятся "мысли" как в стихах (фрагменты из Гете, Вольтера в подлиннике и параллельно в переводе Жуковского), так и в прозе (из Сенеки, Саллюстия, Фукидида, Бэкона, Мюллера – также на русском языке и на языке оригинала). Их темы – Бог, человек, время. Раздел "Выписки" в обоих номерах альманаха делится на более мелкие рубрики, рубрики на отдельные "выписки" количеством от одной до десяти. Границы между "выписками", рубриками полустерты, поскольку в целом текст подчинен какой-нибудь одной идее, грани которой определяют название подборок, собирающихся в единый раздел. Так, "Выписки" в № 1 делятся на 6 рубрик: "Ничтожность человека на земле", "Памятники", "Поэзия", "Предание", "Письмо", "История", уже в заглавиях которых прочитывается единая, но многогранная концепция.⁹

Если говорить об объеме соотношении разного рода выписок, то следует указать на увеличение прозаического непереведенного текста в № 2. Здесь встречаем выписки из Шиллера в рубрике "Породы и степени гражданственности" и из Гердера и Расина в неозаглавленной пятой рубрике. Такие разделы, как "Человек предмет истории", "Природа человека и его отношения", практически полностью прозаические. В № 1 "Собирателя" прозаический фрагмент из Оссиана, озаглавленный "Барды", и прозаическая выписка на языке оригинала из Гердера органично вошли даже в рубрику "По-

⁸ Комментарий в ППСИП рассматривает эти стихотворения как парные: первое дидактическое уравнивает вторым, написанным в шуточной форме [6, С. 648].

⁹ «Выписки» в № 2 состоят из следующих отделов: «Человек предмет истории. Воспитание рода человеческого. Достоинство человека», «Природа человека и его отношения», «Породы и степени гражданственности», «Уважение древних римлян к земледелию» и раздел IV – без заглавия.

эзия". "Ничтожность человека" состоит из трех фрагментов – стихотворный перевод из "Илиады" обрамлен прозаическими "выписками". Однако весьма примечательно, что раздел "Поэзия" все-таки в основном стихотворный, а "История" – прозаический (за исключением одной выписки из Гердера).

При этом стихо-прозаическая, как и "оригинально-переводная" граница между выписками не проявлена резко, создается впечатление, что одна форма записи той или иной мысли сменяется другой. Рассмотрим, например, подборку "Памятники" из "Выписок" в № 1 "Собирателя". Она открывается непереведенным прозаическим фрагментом из Шлегеля, далее идет прозаический текст на французском языке, подписанный "Paroles de Périclès". Оба текста посвящены важнейшей в творчестве Жуковского, особенно в 1820–1830-е гг., теме воспоминания, памяти. Они органически продолжены стихотворной выпиской из Гете на немецком, параллельно которой дан перевод Жуковского ("То место, где был добрый, свято!"). Закрывающий подборку стихотворный текст ("Кто скрыт во глубине сих грозных пирамид?") дан, напротив, сначала в переводе, потом в подлиннике. В результате каждая "выписка" и волнующая Жуковского тема в целом погружается в широчайший и глубочайший мировой культурный контекст, вызывая множество ассоциаций, размышлений об эволюции этой темы в истории человеческой культуры. Мысль оживает, философская тема окрашивается разными эмоциями и становится поэтической, провоцирующей читателя на воспоминание о разных пластах культуры человечества. Никакой мотивации перехода от стиха к прозе, от перевода к подлиннику не требуется в силу жанрово-родовой специфики не только раздела "Выписки", но и всего альманаха в целом, призванного собрать из отдельных единую концепцию. Таким образом, в "Собирателе", безусловно, существуют более или менее четкие границы между разделами, отдельными текстами, между прозой и стихом, между текстом самого Жуковского и других авторов, но эти границы не разрушают единства альманаха, а, напротив, способствуют его многогранности, универсальности, целостности.

В первую очередь эта целостность поддерживается единым "сюжетом", единым содержанием альманаха. В нем варьируется, по сути, одна тема – человек и его место в мире. Она развивается в самых разных аспектах, вглубь и вширь, выстраивая типичную для позднего романтизма концепцию: признание объективной противоречивости бытия как драматического и даже трагического условия вечного совершенствования человека и мира. Эта идея осложняется темами исторического, общественно-политического и нравственно-психологического

планов. Альманах собирает в себя тексты самых разных авторов, принадлежащих иногда к прямо противоположным эпохам, убеждениям. Но всегда это универсальные личности, соединяющие в себе поэта, философа, историка, политика.

Настоящее и прошлое, свое и чужое объединяются в одном течении мысли, при этом демонстрируется сам принцип работы человеческого сознания, легко преодолевающего временные и пространственные границы, не поддающегося логической выпрямленности. "Собиратель" Жуковского – это воплощение живой мысли человека, забегающей вперед, по несколько раз возвращающейся назад, меняющей интонацию, рассматривающей объект с разных, самых неожиданных сторон и т.д. Позднее по этому принципу будут создаваться записные книжки Жуковского, которые он сам будет называть "Мысли и замечания". Так будет собираться том поздней прозы писателя в его последнее прижизненное собрание сочинений.

Именно в синтетической природе "Собирателя" как единого текста Жуковский выразит основные идеи своей концепции мироустройства, своей философии человека. Подчиненные воспитательно-педагогическим задачам два номера "Собирателя" помогали самому Жуковскому подняться на новую ступень познания мира и себя, решать проблему пути к идеалу и в отношении к своему ученику, и в отношении себя лично. Это был новый этап самообразования и самовоспитания, когда Жуковский вновь, но по-новому обратился к трудам тех западноевропейских мыслителей, с которыми он познакомился в самом начале своего творчества. Одним из основных для Жуковского опять становится вопрос о выполнении своего общественного долга, о деятельности для общества, которая теперь не мыслится без деятельности для себя. "Собиратель" открывает нам особый тип личности, находящейся в непрерывном процессе самостроения, "собирающая" себя по частичкам в целое.

Интересно обратиться к материалам, подготовленным для "Собирателя", но не вошедшим в него.¹⁰ В первую очередь внимание привлекает незаглавленный текст, который в бумагах Жуковского значится под условным названием "Речь философа Аполлония при встрече гроба с прахом Марка Аврелия в Риме". Проблематика "Речи" связана с одним из главных в "Собирателе" вопросов – о монархе, о его взаимоотношениях с подданными, о добродетели как основном препятствии тирании.

Марк Аврелий – фигура, привлекавшая внимание Жуковского, начиная с 1800-х гг., прежде всего как идеальная личность, образец нравственного совершенства. Имя Марка Аврелия вошло в список выдающихся греческих и римских поэтов, историков, философов, ораторов, который был составлен

¹⁰ Глубокие размышления исследователей о таких текстах, как «Свет и любовь» (перевод из Гердера) и «Бывают смутные времена...» (вольный перевод из Энгеля, продолженный собственными мыслями Жуковского), освобождают нас от необходимости их подробного анализа. См.: [1, С. 175–177 и 483–484].

Жуковским на нижней обложке книги И.И. Эшенбурга "Handbuch der klassischen Literature" (Berlin, 1792), когда он читал ее, работая над "Конспектом по истории литературы и критики" (1800-е гг.). Переводы, выполненные для хрестоматии "Примеры слога" – "Сон Марка Аврелия", "Смерть Марка Аврелия", встают в один ряд с такими немаловажными фактами творческой биографии Жуковского, как чтение в указанный период "Мыслей императора Марка Аврелия" (Pensées de l'empereur Marc Aurèle – Antonin. Paris, 1803; личная книга поэта содержит множество помет), открытие первого номера изданного Жуковским "Вестника Европы" портретом Марка Аврелия и помещением далее отрывка из Гиббона "Характер Марка Аврелия", в котором акцент делается на "добродетели строгой и деятельной", "способности покорять тело душе и страсти рассудку, почитать добродетель единственным благом, порок единственным злом" [7]. Интерес к Марку Аврелию как к идеальному монарху проявится и в статье, подготовленной для "Собирателя".

В параллель статье о Марке Аврелии дана статья <"Русский государь должен быть предпочтительно русским ...">. Вероятно, это оригинальное сочинение Жуковского, посвященное одной из сложнейших проблем соотношения государственных и национальных, народных интересов в деятельности монарха. Это гимн русскому народу, хранителю трона и царя, перекликающийся своим содержанием и пафосом с созданным Жуковским несколько позднее государственным гимном "Боже, царя храни". Однако, в отличие от торжественного "Боже, царя храни", выходящего в печать с подзаголовками "молитва русского народа", "народная песня", "песня русских солдат", "русская народная песня", прозаическая статья, готовившаяся для "Собирателя", поднимает сложнейшую проблему уважения государя к своему народу. Статья заканчивается грозным и мудрым предупреждением: "оскорбление народной гордости не прощается, оно производит ненависть, может произвести и мятеж" [2, Л. 22]. Звучащая здесь тема революции, насилия и как ее альтернативы – просвещения народа – серьезно занимает Жуковского на рубеже 1820–1830-х гг., о чем свидетельствует и его библиотека [1, С. 466–522].

В папке с подготовительными материалами для "Собирателя" сохранился еще один текст, который остается неопубликованным до сих пор. Это "Подмосковная деревня", отрывок, которому автор дал подзаголовок "Русская повесть". Жуковским было написано только "Вступление". "Подмосковная деревня" – уникальное явление, представляющее собой очередную (и одну из последних) в творчестве писателя, практически единственную после "Вестника Европы" попытку создать оригинальную повесть. Уже в подзаголовке читателя ориентируют на национальный колорит произведения. "Русская повесть", судя по дошедшему до нас отрывку, должна была быть написана на материале современной автору будничной жизни русского помещика Лугова,

живущего верстах в сорока от Москвы, "вправо от большой коломенской дороги" [2, Л. 26].

"Вступление" являет собой начало повести, в котором читателя знакомят с героями, местом и временем действия. По-видимому, Жуковский хотел изобразить главного героя повести как типичного провинциального дворянина – человека, живущего проблемами воспитания детей, сохранения семьи, дома и не в последнюю очередь озабоченного самовоспитанием, самообразованием.

Развитие действия, намеченное во вступлении, подчинено именно этим целям. Повествование начинается с того, что Лугов восстанавливает семью: оставшись вдовцом, он приглашает к себе в имение сестру, также потерявшую мужа и ставшую матерью не только своих детей, но и детей Лугова. Кроме того, в действие вводится еще один персонаж – молодой сосед Лугова, Пригорский, приехавший в деревню из-за границы, где он "путешествовал <...> из любви к учению". Так у главного героя появился друг и умный собеседник. Общая забота о детях восстанавливает и прерванную, было, связь Лугова с братом, который живет в Петербурге и которому Лугов отправляет "в виде журнала каждую неделю" своего рода отчет обо всем, "что у них было читано, о чем говорено и пр., и пр." [2, Л. 26 об.].

Журнал Лугова и составляет большую часть "Вступления" к повести. Он состоит из шести разделов, каждый из которых освещает одно из направлений воспитательного процесса: "Преподавание наук", "Прогулки", "Разговоры домашние", "Чтение", "Увеселения" и "Посторонние известия". Журнал Лугова, написанный от лица автора в виде тезисов, напоминает план воспитания наследника престола, составленный Жуковским. Особое место в нем отводится идее воспитания гармонически развитой личности, близкой к природе, образованной, умеющей свободно ориентироваться в реальной действительности. Таким образом, "русская повесть" превращается на глазах читателя в некий трактат по воспитанию, чем, по-видимому, и объясняется то, что Жуковский не стал ее дописывать и публиковать.

Наконец, для "Собирателя" готовились биографические очерки, вероятно, переводные – "Эпаминонд" (о жизни известной исторической личности, фиванского полководца Эпаминонда) и неозаглавленный <Дионисий торжествовал в Сиракузах ...> (о двух братьях, Тимофеоне и Тимолеоне, живших в 4-м веке до н.э. в Сиракузах). В очерках упоминаются основные вехи жизненного пути героев. Построенные на реальном и легендарно-историческом материале, очерки представляют собой вполне законченные портреты героической личности, которая может служить образцом для подражания. Главной ее заслугой признается высочайший уровень нравственности, любовь к наукам и уединению, разумная умеренность во всем и набожность. Такая модель великого человека сложилась у Жуковского в самом начале его творчества. Ей он остался верен

и в 1820–1830-е гг., когда одним из ведущих прозаических жанров Жуковского стал именно очерк-портрет того или иного реального лица.

Таким образом, неопубликованные материалы "Собирателя" также свидетельствуют об активном взаимодействии иноприродных текстов, явлении, которое становится важнейшим принципом поэтики альманаха как единого синтетического текста, призванного выразить некую единую концепцию, идею бытия.

Делая общее заключение, следует отметить, что "Собиратель" являет собой оригинальное по структуре сочинение, единство которому придает особенный, связанный с эстетическими исканиями Жуковского рубежа 1820–1830-х гг. авторский ракурс мировидения, синтетический по своей природе. Жуковскому удалось новыми средствами изобразить широкую картину мира. Его внимание обращено к сложнейшим философским, нравственно-этическим, психологическим проблемам, которые принципиально рассматриваются как взаимосвязанные,

составляющие некую целостность, включающую в себя и личный взгляд, и обобщение. На смену стихам в альманахе органично приходит проза, стихи и проза, оригинальные сочинения и переводы могут идти как бы в параллель друг другу. Философия включается в психологию, художественный текст дополняет философский и т.д. Тем самым обозначаются новые тенденции творчества Жуковского как в области поэзии, так и в прозе.

Свободная композиция отдельных номеров "Собирателя" и их подборок в целом не дает возможности усмотреть какой-то один последовательно выдержанный принцип организации материала. Беспорядка же не возникает в "Собирателе" в связи с тем, что в нем последовательно реализуется идея свободного органического соединения того, что до сих пор считалось (в эстетических учениях) несоединимым. В расположении материала не последнюю роль играют ассоциативная логика, сложность живого взгляда на мир, воссозданная Жуковским многогранность человеческого сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиотека В.А. Жуковского в Томске. – Ч. 1. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – 529 с.
2. РНБ. – Ф. 286. – Оп. 1. – № 125. – 31 л.
3. Собиратель. – 1829. – № 1, 2.
4. Жуковский В.А. Дневники / С примеч. И.А. Бычкова. – Пб., 1903. – 536 с.
5. РНБ. – Ф. 286. – Оп. 1. – № 16. – 42 л.
6. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. – Т. 2. – М.: "Языки русской культуры", 2000. – 840 с.
7. Вестник Европы. – 1808. – № 1. – С. 41–42.